



ЛИЧНАЯ ЖИЗНЕННАЯ СРЕДА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТАТУС ПО ПРИЗНАКУ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Алла Викторовна Мозговая

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

mozgovai@yandex.ru,

ORCID [0000-0001-6810-5931](https://orcid.org/0000-0001-6810-5931)

Для цитирования: Мозговая А. В. Личная жизненная среда в социально-политическом контексте современной России: статус по признаку определённости // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 169–187. DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.8). EDN [ONDNM](https://edn.org/ONDNM).

Аннотация. Тематика статьи относится к социологическому дискурсу относительно категории неопределённости на личностном уровне анализа. Неопределённость среды имманентно содержит риски как потенциальную возможность ущерба от неблагоприятного исхода событий, явлений, процессов. Стратегия анализа, представленного в статье, за исходное и независимое положение исследования принимает факт наличия в среде такого контекста, таких условий, которые могут послужить источниками рисков различного уровня. В предлагаемом в статье исследовании автор исходит из того, что принципиально рискованный социально-политический контекст на уровне страны (СВО, усиливающееся санкционное давление) конкретным субъектом может и не восприниматься как обуславливающий неопределённость в пространстве его личной жизненной среды. Эмпирической базой анализа являются данные репрезентативного опроса населения России, проведённого по квотной выборке в июне 2023 года. Применяется методический подход, особенностью которого является формирование внутри совокупности опрошенных целевых групп по критерию, соответствующему основной задаче анализа – самоопределению статуса непосредственной личной жизненной среды. Данные группировались и анализировались под разведывательную стратегию, нацеленную на выявление сходства и различий между теми, кто позитивно и чётко видит свою жизненную перспективу, и теми, кто находится в ситуации неопределённости в отношении будущего и настоящего. Анализ тех ресурсов и признаков, которые имеют наибольший вес в дифференциации самоопределения субъектами статуса своей личной жизненной среды внутри рискогенной внешней, позволил оценить их внутреннюю взаимосвязь и осуществить эмпирическую (реальную) в отличие от априорной (теоретической) группировку. Эмпирическая группировка выявила три блока ресурсов-детерминантов различий целевых групп по самоопределению адаптивного статуса жизненной среды, которые соотносят-

ся с составляющими субъективного интеллекта: эмоциональным как способностью распознавать, понимать и использовать эмоции, с социальным как навыками и опытом коммуникации с институциональной средой, рациональностью как наличием навыков самоорганизации и самоконтроля.

Ключевые слова: неопределённость, жизненная среда, риск, уязвимость, социально-политический контекст, субъективный интеллект

Благодарности: лично Михаилу Константиновичу Горшкову за предоставленную базу данных социологического исследования по проекту, руководителем которого он является.

Введение

Переживаемый современным российским обществом исторический этап отличается скоростью и глубиной изменений процессов практически во всех сферах функционирования общественного целого.

Реформирование и модернизация, даже имеющие характер системной трансформации, обусловленной потребностями самой системы, в целом прогнозируемы и управляемы. Тем не менее при принципиальной управляемости масштабные изменения формируют и условия для кризисов и противоречий, которые до нахождения адекватных мер разрешения становятся источником возрастающей неопределённости. Основной фундаментальный признак неопределённости – это неоднозначность позитивной направленности изменений, принципиальная невозможность безошибочного подсчёта возможных рисков и ущербов от неблагоприятных исходов событий и процессов.

Актуальность теоретического, в частности социологического, дискурса относительно категории неопределённости в отечественной науке в настоящее время очевидна и высока в связи с новым мощным фактором влияния на все стороны жизни российского общества, а именно санкционным давлением и продолжающейся специальной военной операцией.

Обоснование социологической сущности феномена неопределённости основывается на идеях диалектики. Социологический дискурс относительно методологического статуса категории неопределённости одним из фундаментальных выводов формулирует утверждение, суть которого в том, что на современном этапе развития общественных систем неопределённость социальных процессов утрачивает качество чрезвычайности и становится неотъемлемым свойством повседневности. Это в свою очередь требует понимания неопределённости не столько как противоположности стабильности, устойчивости, абсолютной безопасности, сколько как этапа развития и социальной системы и личности, конструирования в «текущей современности» (З. Бауман) некоторого состояния устойчивости, в «обществе риска» (У. Бек) – уровня безопасности, что на субъек-

тивном уровне представляет собой создание индивидом статуса определённости личной жизненной среды. Этот методологический подход находит отражение в исследовательской практике.

На *теоретическом* уровне анализируются философская и социологическая сущность феномена неопределённости, функции, связь с трансформационными процессами, рисками [1; 2; 3; 4; 5]. *Субъектный* анализ обращён к специфике адаптации к условиям неопределённости социально-демографических групп, социально-профессиональных и территориальных общностей [6; 7; 8; 9; 10]. *Процессуальный* подход обращается к изучению динамики социального самочувствия, социокультурным аспектам, жизненному проектированию; адаптации, социализации, гражданской идентификации, консолидации; ресурсному потенциалу и стратегиям (особенно девиантной) взаимодействия с неопределённостью [11; 12; 13; 14; 15; 16]. *Институциональный* анализ сосредоточен на изучении неопределённости как фактора трансформации социальных институтов, системы управления [17; 18; 19].

Анализ актуального состояния проблемного поля исследований показывает, что личностный уровень взаимодействия с неопределённостью среды в основном связан с процессом адаптации, что, в сущности, отражает основную цель взаимодействия с этим состоянием среды. При анализе феномена неопределённости в аспекте взаимодействия с ней приходится учитывать, что институциональный и личностный уровни настолько тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, что абстрагировать их друг от друга не только трудно, но по большому счёту и непродуктивно.

Неопределённость среды имманентно содержит риски как потенциальную возможность ущерба от неблагоприятного исхода событий, явлений, процессов. В социологии риска контекст (среда) является одним из существенных факторов, которые потенциальную возможность могут сделать реальной угрозой жизни и здоровью людей, состоянию территорий, стилю жизни общностей, повседневной жизненной ситуации отдельных индивидов. Стратегия анализа, представленного в статье, за исходное и независимое положение исследования принимает факт наличия в среде такого контекста, таких условий, которые могут послужить источниками рисков различного уровня. Так, социетальные риски, преломляясь, доходят до уровня индивидов и оказываются в их повседневной жизненной среде, в семейном и личностном пространстве, в ближнем круге.

Исследовательская задача в таком случае формулируется как выявление специфики оценок, отношения, позиций респондентов, по-разному идентифицирующих текущий статус своей жизненной среды при наличии источников неопределённости и рисков, ею создаваемых. При такой стратегии исследователь опирается на субъектность респондента в опре-

делении текущего статуса своей непосредственной жизненной среды через оценку рисков и угроз, обуславливающих уязвимость на индивидуальном уровне.

В предлагаемом в статье исследовании автор исходит из того, что принципиально рискованный социально-политический контекст на уровне страны (СВО, усиливающееся санкционное давление) конкретным субъектом может и не восприниматься как обуславливающий неопределённость в пространстве его личной жизненной среды. Факторы такой оценки, безусловно, могут оказаться за пределами инструментария опроса, тем не менее стоит проанализировать те, что доступны для изучения. Различия в идентификации среды по критерию определённости/неопределённости в данной статье интерпретируются в рамках концепции адаптации к рискогенным средам, трактуемой как процесс взаимодействия с условиями и факторами с целью снижения степени уязвимости объектов и субъектов до уровня приемлемого риска, до допустимого для субъекта статуса безопасности.

Эмпирическая база. Методика анализа данных

Эмпирической базой анализа являются данные репрезентативного опроса населения России, проведённого исследовательским коллективом под руководством академика РАН М. К. Горшкова по квотной выборке в июне 2023 года в рамках проекта РНФ № 20-18-00505 «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз».

Применяется методический подход, особенностью которого является формирование внутри совокупности опрошенных целевых групп по критерию, соответствующему основной задаче анализа. В данном исследовании – самоопределению статуса непосредственной личной жизненной среды. Опрос проводился в условиях существования такого фактора социально-политического контекста, как осуществление контингентом добровольцев, контрактников и мобилизованных граждан специальной военной операции на территории Донецкой и Луганской областей и усиления внешнего санкционного давления на страну. Ситуация сложная, многоаспектная, несомненно, отличающаяся неопределённостью и рисками, но вместе с тем не однозначно формирующая неопределённость личной жизненной среды всего населения.

Из общего количества опрошенных автор посчитал целесообразным удалить 11 анкет, в которых не было ответов на важные для целей и задач исследования вопросы. Таким образом, анализ осуществляется для выборочной совокупности в 1989 респондентов, что никак не влияет на ре-

презентативность выборки и на надёжность результатов. Основным допущением для выявления статуса жизненной среды респондента в момент опроса была субъективная позитивная или негативная оценка будущего, то есть жизненной перспективы от заданной временной точки в пространстве обозначенного выше социально-политического контекста – момента опроса.

Данные группировались и анализировались под разведывательную стратегию, нацеленную на выявление сходства и различий между теми, кто позитивно и чётко видит свою жизненную перспективу, и теми, кто находится в ситуации неопределённости в отношении будущего и настоящего.

Базовым для группировки респондентов является вопрос, который позволяет определить, с какой направленностью человек воспринимает своё будущее. Респонденты, которые уверены, спокойны и смотрят в будущее с надеждой, отнесены к совокупности людей, среда которых для них отличается определённостью ($n=1190$, что составляет 59,8% выборки; назовём их условно «определившимися»); среда респондентов, испытывающих беспокойство, страх, отчаяние в отношении своего личного будущего, явно отличается неопределённостью ($n=799$, что составляет 40,2% выборки; назовём их «сомневающимися»).

Среда – столь же многоаспектное и многогранное понятие, как и неопределённость, может быть описана множеством показателей. Интересует ряд личностных позиций, оценок, установок, которые отличают представителей двух выделенных для анализа совокупностей респондентов. Кроме фактологических социально-демографических характеристик респондентов из двух целевых групп автора интересовал целый ряд субъективных мировоззренческих позиций, оценок, установок, а именно следующее.

Естественные и приобретённые ресурсы: пол, возраст, состояние здоровья, уровень образования, сфера занятости, тип собственности предприятия/организации, условия, предоставляемые работодателем, источники дохода, социально-профессиональный статус, тип поселения, поддержка государства как ресурс.

Личностные особенности, позиции, установки: повседневный психологический настрой, перспективное планирование и целеполагание как практика, оценка факторов благополучия в современном обществе, сферы переживания неопределённости личной жизненной среды, статус различных сторон жизни, институциональное доверие, определение координат жизненного успеха.

Социально-политический контекст: оценка состояния среды на различных дистанциях, оценка влияния текущего контекста на личную жизнь и перспективы.

Статистическая значимость различий для выборок, численность которых соответствует полученным при группировке массива объёмам целевых групп, оценивалась по алгоритму, описанному В. А. Ядовым [20, с. 64]. При уровне доверительного интервала, не превышающего 5% статистически значимой ошибки выборки, различия между двумя целевыми совокупностями в 6,1% признаются существенными, статистически значимыми.

Методика анализа данных предусматривает два этапа: прежде всего выполняется сравнительное исследование двух целевых групп по заявленным признакам безотносительно к рискогенному фактору наличного контекста, затем производится оценка связи выявленных различий с реальными последствиями для субъектов и их жизненной среды СВО и санкций.

Анализ полученных результатов предположительно может дополнить знание о том, по отношению к какой именно дистанции социального пространства субъект оценивает статус определённости и перспективности своей личной жизненной среды; о векторах оценки её определённости/неопределённости; о наличии оснований для эмпирической группировки тех ресурсов и признаков, которые имеют наибольший вес в дифференциации самоопределения субъектами статуса своей личной жизненной среды внутри рискогенной внешней.

Результаты анализа

Логично прежде всего обратиться к анализу наличных объективных естественных и приобретённых ресурсов респондентов, а именно выявить сходства и различия состава целевых групп по социальным и демографическим характеристикам. Далее, опираясь на неоднократно доказанный социологами факт, что такие личностные особенности, как психологический, эмоциональный статус, институциональное доверие как опыт взаимодействия с социумом и ряд других, также значительно влияют на субъективное оценочное сознание людей, обратиться к анализу субъективных оценочных показателей.

Естественные и приобретённые ресурсы. По полу, возрасту, уровню образования, типу поселения существенных различий между целевыми группами нет. Распределение по сферам занятости и источникам дохода также различий не показывает. Имеется существенное различие в долях неработающих: в группе «определившихся» доля тех, кто по разным причинам в момент опроса не работал, составляет 28,0%, а в группе «сомневающихся» – 35,8%. Есть небольшие, но тем не менее статистически значимые различия в причинах, по которым респонденты не работали:

при сходных долях пенсионеров (75,3% против 70,6%) доля обучающихся на момент опроса выше в группе «определившихся» (14,7% против 8,7%).

Среди работающих имеются различия по типу собственности предприятия/организации. Если занятых на государственных предприятиях в группе «определившихся» 44,8%, то в группе «сомневающих» – 37%; на организованных с самого начала как частные (включая фермеров) соответственно – 27,5% и 34,7%. Однако на предприятиях всех форм собственности работодатели занятым респондентам обеих групп обеспечивают одинаковые условия: распределение на уровне средних по массиву в целом.

Такой ресурс, как хорошее здоровье, в несколько большей степени имеется у «определившихся» – отмечают, что нет серьёзных проблем со здоровьем 38,5% против 31,4% в группе «сомневающих».

Помощь государства представляет собой значимый социальный как материальный, так и нематериальный ресурс для всех категорий населения. Доля тех, кто без поддержки государства не сможет выжить, в группе «определившихся» составляет 43,9%, а в группе «сомневающих» – 56,2%. Различия существенные.

Личностные особенности как фактор оценки статуса жизненной среды. Преобладающим в индивидуальном повседневном психологическом настрое у «определившихся» является уравновешенность (51,6%), а у «сомневающих» – тревожность (68,3%). Коррелируют с эмоционально-психологическим состоянием респондентов и оценки перспектив развития страны в ближайшем будущем: в успешность развития верят 38,1% «определившихся» и 11,9% «сомневающих».

Перспективное планирование свойственно в большей степени «определившимся»: 39,9% из них (против 25,9% в другой группе) планируют свою жизнь на пару лет вперёд.

В таблице 1 представлены данные о степени осуществления жизненных планов представителями целевых групп.

Самооценки респондентов, считающих свою жизненную среду неопределённой и бесперспективной, отличаются негативной направленностью: выше доля неудачников. Считают, что достигли всего, многого или ещё добьются того, что хотели, 72% тех, кто видит свою жизненную перспективу, и 49,8% тех, кто такой перспективы не видит.

Значимым для целей нашего анализа являются данные о представлениях респондентов двух целевых групп о том, что является фактором благополучия в современной России. Результатом высокого уровня образования, квалификации, трудолюбия его считают 72,3% «определившихся» и 55,9% «сомневающих»; результатом везения и личных связей – соответственно 27,7% и 44,1%.

Таблица 1

Осуществлённость жизненных планов по самооценкам представителей целевых групп, %

Степень реализации жизненных планов	Целевые группы	
	«определившиеся»	«сомневающиеся»
Достигли всего, к чему стремились и на что были способны	17,7	7,9
Многого добились, но способны на большее	30,6	24,7
Добились значительно меньше, чем способны	25,5	41,4
Считают себя неудачниками, так как практически ничего не добились в жизни	1,6	8,8
Считают преждевременным подводить итоги, сумеют добиться того, что пока не удалось	24,6	17,2

Интересно выявить, чем обусловлены негативные установки респондентов по отношению к возможностям самореализации личности в современном российском обществе. Начнём с личностных жизненных переживаний (см. рис. 1).

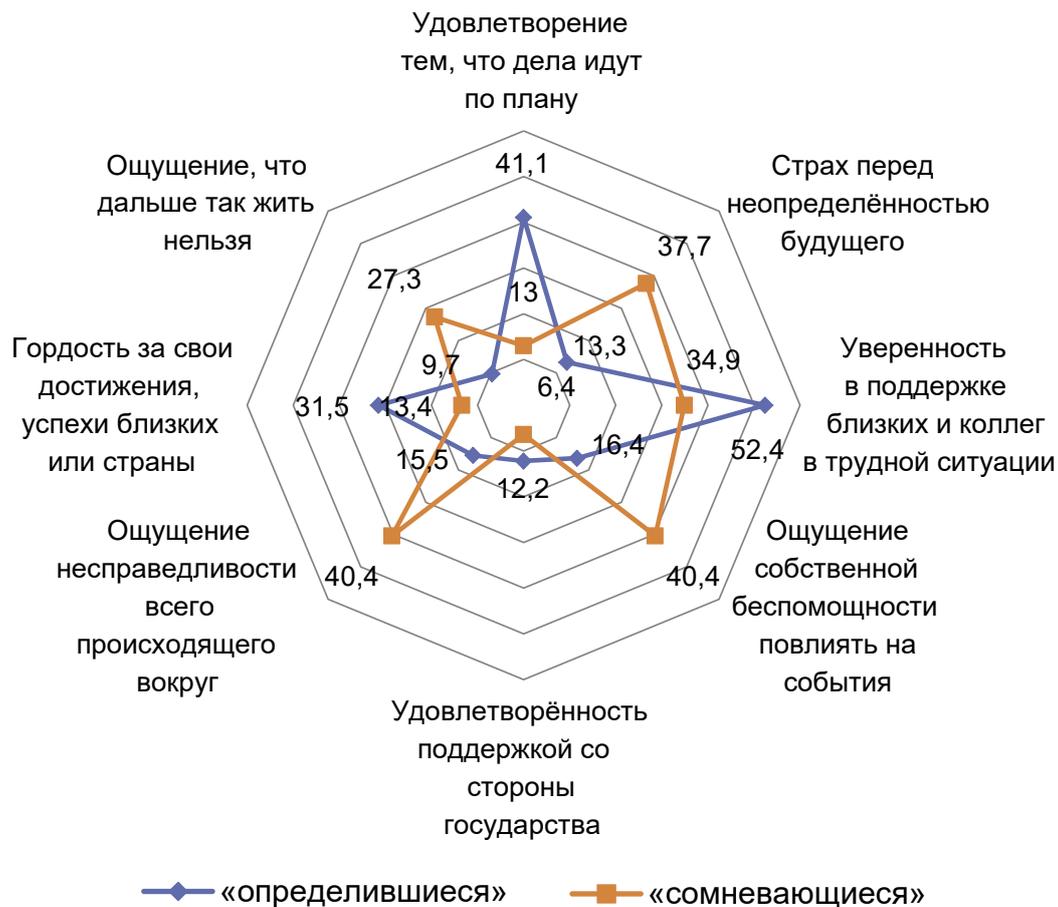


Рис. 1. Личностные переживания определённости/неопределённости среды представителями целевых групп (по позиции шкалы «часто»), %

Как показывают данные, переживания жизненной среды у «определившихся» характеризуются такими чертами, как удовлетворённость, уверенность, гордость, у «сомневающихся» – страх, беспомощность, несправедливость, невозможность. Чем обусловлен такой характер субъективных переживаний своей личной жизненной среды?

Выше подчёркивалось, что существует множество векторов среды, по которым субъект в своей повседневной жизни в тот или иной момент имеет стабильный или неопределённый статус. Разработчики инструментария опроса, данные которого использованы, включили в анкету перечень из 22 показателей, относящихся к различным условиям и обстоятельствам жизни человека. Автор статьи интерпретирует оценку по тому или иному показателю на «хорошо» как наличие статуса определённости у субъекта по данному вектору среды. В таблицу 2 сведены те факторы, по которым у значительной доли представителей целевой группы «определившихся» оценки высокие.

Таблица 2

Стороны жизни, статус которых высоко оценивается целевой группой «определившихся» в сравнении с целевой группой «сомневающихся», %

Стороны жизни	Целевые группы	
	«определившиеся»	«сомневающиеся»
<i>Доля оценок «хорошо» у «определившихся» от 50% до 67,9%</i>		
Питание	52,4	25,9
Жилищные условия	51,9	36,9
Отношения в семье	67,9	53,8
Общение с друзьями	61,4	44,8
Место проживания (город, посёлок)	58,3	37,4
Доступность интернета и цифровых технологий в целом	56,3	36,9
<i>Доля оценок «хорошо» у «определившихся» от 35% до 45%</i>		
Приобретение одежды	41,2	20,8
Состояние здоровья	34,5	17,0
Проведение досуга	39,6	24,7
Возможности самореализации в профессии	40,5	20,2
Возможности получения образования и знаний	36,4	16,6
Положение, статус в обществе	43,1	22,7
Уровень личной безопасности	39,1	20,9
Экологическая обстановка в месте проживания	39,7	24,5
Как складывается жизнь в целом	44,6	17,9

Оценки практически всех сторон жизни, которые в значительной степени связаны со стабильностью личной жизненной среды, существенно ниже у целевой группы «сомневающихся». Менее всего определённость ощущают обе целевые группы по уровню социальной защищённости при потере работы: 16,0 и 8,1% соответственно доли тех, кто положительно оценивает этот вектор своей жизни. Тот факт, что сформированные целевые группы в оценках так существенно различаются, с одной стороны, радует в методическом аспекте, с другой – вызывает опасения в том, что критерий формирования уже закладывал негативность настроений и оценок одной и позитивность другой, поскольку базировался на оценке стабильности будущего. Однако, социологам и психологам известно, что неопределённость будущего не однозначно обуславливает негативные оценки всех сторон личной жизненной среды, скорее наоборот. Возможно, отношение и оценка защитной функции институциональной среды оказывает решающее воздействие на характер восприятия и жизненных перспектив и опосредованно личной жизненной среды.

При общей тенденции сравнительно более низкого уровня институционального доверия у представителей «сомневающихся» по ряду субъектов «ножницы» между оценками двух целевых групп составляют 22–23 п. п. (см. табл. 3).

Таблица 3

Субъекты институциональной среды, уровень доверия которым значительно различается у представителей целевых групп, % доверяющих

Субъекты институциональной среды	Целевые группы	
	«определившиеся»	«сомневающиеся»
Правительство РФ	71,1	47,2
Руководство республики, Губернатор области, края	69,5	47,8
Государственная дума РФ	52,9	29,7
Совет Федерации	55,3	32,7
Полиция, органы внутренних дел	55,3	32,7
Судебная система	57,1	34,5
Российские банки	47,3	24,7
Центральная избирательная комиссия	50,3	28,1

Интересно, что более половины (56,2%) «сомневающихся» при крайне низком уровне доверия всем ветвям государственной власти заявили, что без поддержки со стороны государства им и их семьям не выжить. 55,9% «определившихся» заявляют, что смогут сами обеспечить себя и свою семью и не нуждаются в помощи государства.

В инструментарии опроса респонденты имели возможность в предложенном перечне отметить, что они соотносят с жизненным успехом человека. Интересно, что жизненные приоритеты у представителей целевых групп практически совпадают: самореализация, хорошее образование и работа, создание семьи и воспитание детей, финансовое благополучие, здоровье.

Социально-политический контекст в оценках целевых групп. Установим прежде всего, как представители сформированных целевых групп оценивают общее состояние среды на различных дистанциях. Инструментарий построен таким образом, что респонденты, оценивая состояние среды, знают, что имеется в виду значимый фактор контекста – СВО и санкции.

Ситуацию в мире представители обеих целевых групп оценивают как напряжённую, критическую (71,8 и 74,6% соответственно). Ситуацию в России на момент опроса, то есть на весну 2023 года, – как спокойную оценили 26% респондентов той группы, в которую включены уверенные в стабильности среды люди («определившиеся»). Доля аналогичных оценок в совокупности тех, кто находится в ситуации неопределённости, – 8,5% («сомневающиеся»). Оценки ситуации как спокойной на дистанции такой локации, как область, край, республика, соответственно 60,2 и 36,4%, а по отношению к муниципальному уровню соответственно 70,3 и 46,4%.

Данные убедительно показывают, что, оценивая степень определённости в отношении собственного будущего, респонденты скорее всего ориентировались на состояние своей ближайшей жизненной среды.

Целевые группы демонстрируют существенные различия в оценках влияния как СВО, так и санкций, введённых западными странами в 2022–2023 гг., на их жизнь, что помимо непосредственного результата даёт ещё и подтверждение продуктивности применённого в анализе методического подхода. Отрицательно оценивают влияние СВО на свою жизнь 25,2% считающих свою среду перспективной (определённой, стабильной) и 56,1% респондентов, существующих в неопределённой среде (бесперспективной); считают, что СВО не оказывает никакого влияния на их жизнь соответственно 35,1% и 15,6%. По санкциям данные сходные: отрицательное влияние отметили 25,0% и 45,4%, а никакого – 37,4% и 26,5%. Отрицательное влияние на свою жизнь преимущественно отмечают респонденты из той совокупности, что и свою жизненную среду и перспективу считают неопределённой. Связь зафиксирована, респонденты направленность связи характеризуют как влияние. Тем не менее требуется более детальная «расшифровка» результата.

Анализ распределения ответов респондентов двух целевых групп на уточняющий вопрос по поводу того, в чём конкретно проявляются по-

следствия СВО на Украине, выявил различия в позициях по пяти из двадцати предложенных в анкете направлений. Гибель или увечья родных и/или друзей пережили 11,5% тех, кто среду считает перспективной (определённой) и 20,5% тех, кто живёт в неопределённости; увеличение текущих расходов зафиксировали соответственно 30,6% против 41,2%; ухудшение отношений в семье вследствие различий в оценках СВО отметили 11,9% против 22,0%; ухудшение психологического состояния и состояния здоровья в целом отметили 11,0% против 26,4% респондентов; отсутствие последствий отметили 26,4% против 15,4% респондентов в целевых группах.

Респонденты, оценивающие свою личную среду как определённо перспективную, и развитие страны определяют как успешное (38,1% против 11,9%), хотя доли считающих, что страну ждут тяжёлые времена, в обеих группах высокие (45,0% против 68,5%). Считают, что на развитие страны окажут крайне негативное воздействие санкции, 11,0% против 26,2%, а СВО на Украине – соответственно 15,3% против 36,7% респондентов анализируемых целевых групп.

То, что социально-политический контекст и его последствия повлияли на оценки респондентами статуса личной жизненной среды, данные фиксируют достаточно надёжно.

Заключение

Неопределённость автор рассматривает как один из фундаментальных элементов среды, взаимодействие с которым предполагает интериоризацию, принятие неопределённости «в состав бытия человека» [2, с. 8]. «Непредвиденная случайность становится онтологическим фактором» [2, с. 10] через процесс структурирования, упорядочивания посредством некоторых действий с использованием тех или иных ресурсов, то есть через создание субъектом собственных стратегий взаимодействия с меняющейся средой с целью стабилизации своего личного эмоционально-психологического и социального статуса.

Если фактором изменений выступает контекст, содержащий событие или процесс с высокой степенью рискованных последствий, внешняя среда становится рискогенной, и целью процесса адаптации повседневности («бытия») к неопределённости выступает конструирование субъектом некоторого статуса безопасности личной жизненной среды. Показатель позитивной адаптации – снижение степени уязвимости перед рисками, которые содержит зыбкая внешняя среда, и создание в личном пространстве пояса определённости и безопасности. При другом варианте адаптации субъект попадает в ситуацию затаянного противоречия со средой, неопре-

делённость которой им вводится в состав его личного бытия через тревожно-враждебное отношение. Обе стратегии целью имеют адаптацию, обе достигают результата, то есть приспособления к средовым изменениям.

Проблемой исследования в статье было выявление тех ресурсов, которые участвуют во взаимодействии субъекта с условиями неопределённости, обусловленной внешними социально-политическими условиями, формируя конкретный вариант адаптации к ней личной жизненной среды субъекта. Исследовательским интересом анализа данных, предпринятого в статье, был поиск ресурсов, которые детерминируют стратегии структурирования нестабильных, рискогенных сред на уровне личной жизненной среды субъектов.

Данные убедительно показывают, что потенциально рискогенные средовые факторы текущего социально-политического контекста, а именно продолжающаяся специальная военная операция и усиливающееся внешнее санкционное давление, на уровне жизненной среды индивидов проявляются в различных субъективных определениях статуса личной среды и повседневности. Для одних этот статус характеризуется неопределённостью и бесперспективностью, для других – определённостью и перспективами.

Результаты показывают, что статус определённости и перспективности личной среды субъект оценивает преимущественно по отношению к ближайшей дистанции – месту проживания.

Векторами, по которым субъект оценивает состояние своей жизненной среды, являются личная безопасность; самореализация в сферах образования/квалификации/занятости; социальный статус; семейные отношения; благополучие в жилищно-бытовой и финансовой сферах; состояние здоровья; наличный социально-политический контекст.

Анализ тех ресурсов и признаков, которые имеют наибольший вес в дифференциации самоопределения субъектами статуса своей личной жизненной среды внутри рискогенной внешней, позволил оценить их внутреннюю взаимосвязь и осуществить эмпирическую (реальную) в отличие от априорной (теоретической) группировку. Эмпирическая группировка выявила три блока ресурсов-детерминантов различий целевых групп по самоопределению адаптивного статуса жизненной среды, которые соотносятся с составляющими субъективного интеллекта: эмоциональным как способностью распознавать, понимать и использовать эмоции, с социальным как навыками и опытом коммуникации с институциональной средой, рациональностью как наличием навыков самоорганизации и самоконтроля.

Составляющими этих блоков, которые позволял выявить инструментарий, обуславливающими различия, выступают: эмоционально-психо-

логический профиль; целеполагание как умение соотносить цели и средства; планирование как практика; наличие занятости; субъективное переживание условий среды; принятие ответственности за собственное благополучие и самореализацию (установки относительно факторов жизненного успеха); поддержка со стороны государства; институциональное доверие; состояние и динамика здоровья; опыт реальных потерь вследствие трансформаций среды.

Целевые группы по потенциалу естественных и приобретённых ресурсов практически совпадают, то есть пол, возраст, уровень образования, тип поселения на различиях в оценках перспектив личного будущего не сказываются. Распределение по сферам занятости и источникам дохода также различий не показывает. Имеется существенное различие в долях неработающих: в группе «определившихся» доля тех, кто по разным причинам в момент опроса не работал, ниже, чем в группе «сомневающих». Большая доля респондентов, занятых на государственных предприятиях в группе «определившихся», не может существенно повлиять на дифференциацию. Тем более, что работодатели на государственных и частных предприятиях и организациях условия предоставляют идентичные. Такой ресурс, как хорошее здоровье, в несколько большей степени имеется у «определившихся».

Существенный вклад в различия вносят нематериальные факторы, за исключением жизненных приоритетов, которые у представителей целевых групп практически совпадают: самореализация, хорошее образование и работа, создание семьи и воспитание детей, финансовое благополучие, здоровье.

Планирование как практика в большей степени свойственно группе «определившихся», также как и продуктивное целеполагание, то есть достижение и/или уверенность в достижении жизненных целей. Причём первые уверены, что факторами благополучия в современной России являются образование, квалификация и трудолюбие, а вторые – везение и личные связи. Соответственно, личную жизненную среду одни описывают как устойчивую, другие – как тревожную, несправедливую, с минимальными возможностями.

Уровень институционального доверия у «сомневающих» крайне низкий.

Потери среди близких и друзей вследствие реализации СВО и усиливающегося санкционного давления со стороны коллективного Запада отмечают в большей степени «сомневающиеся», а именно: физические (гибель, увечья родных, друзей, ухудшение личного здоровья), материальные (увеличившиеся расходы), морально-психологические (ухудшение отношений в семье, личного эмоционально-психологического состояния).

10. Мясоутов О. В. Цифровая молодёжь в эпоху неопределённости: современные смыслы и социокультурные ценности // Архонт. 2022. № 6 (33). С. 47–53. EDN **SIROCD**.
11. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Проблема социокультурных констант в нестабильной социальной реальности (региональный аспект) // Социодинамика. 2020. № 5. С. 94–104. DOI [10.25136/24097144.2020.5.32951](https://doi.org/10.25136/24097144.2020.5.32951). EDN **SKWAFF**.
12. Борцов Ю. С. Детерминация формирования девиантных поведенческих стратегий социальной неопределённостью: методологический подход // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 42–49. EDN **VVDGXF**.
13. Буркина Л. С. Девиантность как способ преодоления социальной неопределённости // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 201–205. EDN **TEEPLB**.
14. Касьянов В. В., Кротов Д. В., Самыгин С. И. Специфика политической социализации российской молодёжи в условиях социальной неопределённости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 42–45. EDN **XUXMPL**.
15. Мозговая А. В., Шлыкova Е. В. Адаптация к неопределённости среды: ресурсы жителей больших городов // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 3. С. 124–130. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13). EDN **GJZAEV**.
16. Панкова С. Н. Социальный потенциал личности в условиях социальной неопределённости // В мире научных открытий. 2014. № 5-2 (53). С. 594–604. EDN **SHTQVN**.
17. Белая Е. А. Социальная неопределённость как фактор трансформации образования // Развитие территорий. 2017. № 2 (8). С. 24–27. EDN **ZHFBID**.
18. Дедов Н. П., Кохова И. В. Актуальные проблемы цифровой адаптации в высшей школе в условиях неопределённости // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S2. URL: <https://esj.today/PDF/01FAVN223.pdf> (дата обращения: 24.05.2024). EDN **OFGAKV**.
19. Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления : монография / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, И. С. Шаповалова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Зубок. Белгород : ООО «Эпицентр», 2016. 207 с. ISBN 978-5-9907865-2-3.
20. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов ; отв. ред. В. Н. Иванов ; изд. 2-е перераб. и доп. М. : Наука, 1987. 248 с.

Сведения об авторе

А. В. Мозговая

доктор социологических наук,

главный научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: **71630**

SPIN-код: **3454-6660**

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.8

PERSONAL LIFE ENVIRONMENT WITHIN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT OF MODERN RUSSIA: STATUS ACCORDING TO THE ATTRIBUTE OF CERTAINTY

Alla Viktorovna Mozgovaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
mozgovai@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-6810-5931

For citation: Mozgovaya A. V. Personal life environment within the socio-political context of modern Russia: status according to the attribute of certainty. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):169–187. (In Russ.) DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.8.

Abstract. The subject of the article relates to the sociological discourse on the category of uncertainty at the personal level of analysis. The uncertainty of the environment inherently contains risks as a potential possibility of damage from an adverse outcome of events, phenomena, processes. The strategy of the analysis presented in the article takes as the initial and independent position of the study the fact that there is such a context in the environment, such conditions that can serve as sources of risks of various levels. In the research proposed in the article, the author proceeds from the fact that a fundamentally risky socio-political context at the country level (SMO, increasing sanctions pressure) by a particular person may not be perceived as causing uncertainty in the space of his personal life environment. The empirical basis of the analysis is data from a representative survey of the Russian population conducted on a quota sample in June 2023. A methodological approach is applied, the peculiarity of which is the formation within the sample the target groups according to the criterion corresponding to the main goal of the analysis – self-determination of the living environment status. The data was rearranged and analyzed under an intelligence strategy aimed at identifying similarities and differences between those who positively and clearly see their life prospects and those who are in a situation of uncertainty about the future and the present. The analysis of those resources and features that have the greatest weight in differentiating the self-determination of the living environment status within the risky external environment made it possible to assess their internal relationship and carry out an empirical (real), as opposed to a priori (theoretical) grouping. The empirical grouping revealed three blocks of resource determinants of differences between target groups in determining the adaptive status of the living environment, which correlate with the components of subjective intelligence: emotional as the ability to recognize, understand and use emotions, with social as skills and experience of communication with the institutional environment, rationality as the presence of skills of self-organization and self-control.

Keywords: uncertainty, living environment, risk, vulnerability, socio-political context, subjective intelligence

Acknowledgments: personally to Mikhail Konstantinovich Gorshkov for providing a database of sociological research on the project, of which he is the head.

REFERENCES

1. Vasiliev V. V. Social uncertainty as a subject of sociological analysis. *MCU Journal of Philosophical Sciences=Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*. 2023;(2):8–22. (In Russ.). DOI [10.25688/2078-9238.2023.46.2.1](https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.1).
2. Gerasimova I. A. Uncertainty in cognition and in social practice. *Epistemology and philosophy of science=E'pistemologiya i filosofiya nauki*. 2019;56(4):8–20. (In Russ.). DOI [10.5840/eps201956462](https://doi.org/10.5840/eps201956462).
3. Belkin G. (ed.) The human world: uncertainty as a challenge. Moscow: URSS; 2019. 520 c. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-5915-8.
4. Mozgovaya A. V. Identifying, Evaluating, and Adapting to Risks in an Atmosphere of Uncertainty. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019;7(4):154–168. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.4.6808](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808).
5. Smakotina N. L. Fundamentals of the sociology of instability and risk: philosophical, sociological and socio-psychological aspects [[Osnovy' sociologii nestabil'nosti i riska: filosofskij, sociologicheskij i social'no-psixologicheskij aspekt'y']. Moscow: KDU; 2009. 242 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98227-615-5.
6. Belinskaya E. P. Constructing identity in uncertainty. *Personality in space and time=Lichnost' v prostranstve i vremeni*. 2015;(5):26–31. (In Russ.).
7. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. The future of educational communities: a temporary perspective in conditions of social uncertainty. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;10(390):3–13. (In Russ.).
8. Istomina O. B., Maypil E. S. Problems of youth socialization in the conditions of social uncertainty. *Bulletin of Buryat State University=Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;(3):25–31. (In Russ.). DOI [10.18101/1994-0866-2022-3-25-31](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-3-25-31).
9. Mogilevskaya V. Yu., Kovalchuk N. N., Soldatov D. V., Timokhina T. V. Features of value and motivational orientations of future teachers in conditions of social uncertainty. *Actual problems of psychological knowledge=Aktual'ny'e problemy' psixologicheskogo znaniya*. 2018;3(48):34–46. (In Russ.).
10. Myasoutov O. V. Digital youth in the era of uncertainty: modern meanings and socio-cultural values. The electronic scientific journal. *Archont=Arxont*. 2022;(6):47–53. (In Russ.).
11. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval J. A. The problem of sociocultural constants within the instable social reality (regional aspect). *Sociodynamics=Sociodinamika*. 2020;(5):94–104. (In Russ.). DOI [10.25136/24097144.2020.5.32951](https://doi.org/10.25136/24097144.2020.5.32951).
12. Bortsov Yu. S. Determination of the formation of deviant behavioral strategies by social uncertainty: a methodological approach. *Socio-humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarny'e znaniya*. 2015;(11):42–49. (In Russ.).
13. Burkina L. S. Deviance as a way to overcome social uncertainty. *Social and humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarny'e znaniya*. 2014;(11):201–205. (In Russ.).
14. Kasyanov V. V., Krotov D. V., Samygin S. I. The specificity of political socialization of the russian youth in the conditions of social uncertainty. *Humanities, socio-economic and social sciences=Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki*. 2017;(1):42–45. (In Russ.).

15. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. Adaptation to the uncertainty of the environment: resources of big cities residents. *Logos et Praxis=Logos et Praxis*. 2019;18(3):124–130. (In Russ.). DOI [10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13).
16. Pankova S. N. Person's social potential at conditions of social uncertainty. *The World of Scientific Discoveries=V mire nauchny'x otkry'tij*. 2014;(5-2):594–604. (In Russ.).
17. Belaya E. A. Social uncertainty as a factor in the transformation of education. *Development of territories=Razvitie territorij*. 2017;(2):24–27. (In Russ.).
18. Dedov N. P., Kokhova I. V. Actual problems of digital adaptation in higher education under uncertainty. *The Eurasian scientific journal=Vestnik evrazijskoj nauki*. 2023;15(s2):01FAVN223. (In Russ.). Available at: <https://esj.today/PDF/01FAVN223.pdf> (accessed: 24.05.2024).
19. Zubok Yu. A. (ed.) Risks of the transforming habitat: the problem of research and management. Belgorod: OOO E'picentr, 2016. 207 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9907865-2-3.
20. Yadov V. A. Sociological research: methodology, program, methods. Ed. vt., reprint. and additional [Sociologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody'. Izd. vt., pererab. i dop.]. Moscow: Nauka; 1987. 248 p. (In Russ.).

Information about the Author

A. V. Mozgovaya

Doctor of Sociology,
Main Researcher

ResearcherID: [ABD-3432-2020](https://orcid.org/0009-0001-9342-2020)

Scopus AuthorID: [56153967200](https://orcid.org/0009-0001-9342-2020)

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 23.05.2024.